
НА ГРАНИ ВЕКОВ

А. Г. ЛАРИН

ТАЙВАНЬ – СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Тайваньский вариант сепаратизма отличается одна удивительная особенность: обычно сепаратизм возникает и развивается на национальной почве как стремление одной национальной общности обособиться от другой. Однако подавляющее большинство жителей и материкового Китая, и Тайваня – это люди одной национальности, ханьцы, имеющие общую историю и общую культуру. Правоммерно считать, далее, что население материкового Китая и Тайваня, включая и национальные меньшинства, – это один народ, одна нация (хотя, согласимся, здесь важно, как толковать эти термины).

Обычно разделенная нация стремится к воссоединению. Так было, когда существовали две Германии. Так идет сейчас и в Корее, хотя по многим соображениям ни одно из корейских государств не пытается форсировать события. На Тайване это правило не действует: подавляющее большинство тайваньцев не хочет воссоединения с материком, по крайней мере, в настоящее время.

Причина этой странности заключается в том, что Тайваньский пролив разделяет не две разные нации, а два общества с различными (прежде мы сказали бы: противоположными) социально-экономическими системами, с разным уровнем жизни, с различными политическими режимами: однопартийным и многопартийным.

Благодаря целому ряду внешних и внутренних обстоятельств, главным образом, раскладу внешних сил, остров уже несколько

десятилетий как «завис» в положении государства де-факто, не рискующего, однако, официально заявить о своей суверенности: Пекин бы этого не потерпел. Тем не менее на протяжении последних приблизительно двух десятков лет имеет место непрерывное нарастание тайваньского сепаратизма, и это – его вторая особенность, очевидным образом связанная с естественным процессом смены поколений.

Ниже мы подробнее рассмотрим роль различных факторов, начиная с материальных, в возникновении и подъеме сепаратизма на Тайване, в развитии его политических и идеологических форм. Одновременно нам придется осветить политические и идеологические контрмеры, принимаемые для борьбы с ним со стороны материка, и попытаться оценить их эффективность.

* * *

Тайвань был еще в Средние века колонизован китайцами с материка, оттеснившими аборигенов вглубь острова, а с 1895 г. по 1945 г. он являлся японской колонией. Географическая удаленность острова от культурных центров Китайской империи, политическая оторванность от континентального Китая, специфика исторического пути породили у китайского населения острова вполне понятное ощущение некоторой обособленности от материка, примерно в таком же роде, как в России люди, живущие где-нибудь «на северах» или на Камчатке, центральную часть страны называют «материком».

Само по себе это ощущение было достаточно безобидным. Когда в 1945 г. после капитуляции Японии правительственные войска на американских судах прибыли на Тайвань, их радостно встречали там как своих, как освободителей. Вскоре, однако, выяснилось, что принадлежность к одной нации значит очень мало в сопоставлении с групповыми и личными материальными интересами тех, в чьих руках находится власть. Пришельцы с материка заняли все сколько-нибудь важные посты в государственных учреждениях, забрали в свои руки ключевые посты в экономике, оттеснив в сторону местную интеллигенцию и предпринимательские круги. Всему этому, естественно, мгновенно нашлось соответствующее идеологическое оформление: тайваньцы-де не годятся в администраторы – ведь за

время японской оккупации они утратили истинную китайскую культуру, не владеют даже официальным вариантом национального языка «гоюй», да и политический кругозор у них узок. Мало того, прибывшие из-за моря чиновники высокомерно, чтоб не сказать враждебно, относились к местным жителям, считая, что те запятнали себя сотрудничеством с оккупантами и теперь должны искупать свою вину, безропотно выплачивая высокие налоги и беспрекословно выполняя все распоряжения властей. Всякое проявление недовольства расценивалось как подрывная акция, подлежащая рассмотрению в трибунале.

Построенная на таком подходе экономическая политика новой администрации попросту игнорировала нужды местного населения. Возникли дефицит продовольствия, безработица, инфляция и рост цен. Солдаты правительственных войск, которых население было готово чествовать как героев антияпонской войны, стали бесчинствовать на улицах, грабить и насиловать – их никто не останавливал.

В конце концов отношения между властями и населением накалились до такой степени, что в феврале 1947 г. вспыхнул грандиозный бунт, подавленный самым жестоким образом. «События 28 февраля» сохранились в народной памяти на полвека, углубляя трещину между «местными» и «пришлыми» – эти термины прочно вошли в политический обиход и бытовую лексику Тайваня.

Однако все это был еще не сепаратизм, а лишь предисловие к нему.

В 1949–1950 гг., проиграв коммунистам гражданскую войну, на Тайвань эвакуировались глава Китайской Республики и одновременно лидер правившей в ней партии Гоминьдан Чан Кайши и его сторонники, всего около двух миллионов человек. Присоединившись к семи миллионам местного населения, они принесли с собой дополнительную нагрузку на скудные ресурсы и скромный производственный потенциал острова, что отнюдь не прибавило «местным» симпатий к «пришлым».

В обстановке острой военной и политической конфронтации с новым коммунистическим государством – КНР – на материке, активной подпольной работы коммунистов на самом острове и недовольства широких слоев местного населения Чан Кайши в кратчайшие сроки установил на Тайване однопартийную диктатуру

Гоминьдана и развернул так называемый «белый террор». Демократически настроенные круги тайваньского общества были полностью деморализованы.

Чан Кайши был уверен, что «коммунистический мятеж» на материке будет рано или поздно подавлен, и Гоминьдан вернется к управлению Китаем. В свою очередь, в Пекине не сомневались, что настанет время, когда «американской марионетке» Чан Кайши, держащемуся лишь благодаря военной помощи США, придет конец, и Тайвань воссоединится с родиной. Таким образом, руководители обеих частей Китая исповедывали принцип «одного Китая», давая ему, однако, взаимоисключающие интерпретации. И обе стороны были едины в убеждении, что тайваньская проблема имеет единственное решение – военное.

Тайваньское общество, однако, не имело ни малейшего желания воевать и не хотело для себя никакой диктатуры – ни коммунистической, ни антикоммунистической. Оно внимательно наблюдало за появлением первых критиков режима, своего рода диссидентов из числа приверженцев Гоминьдана, пытавшихся, сохраняя его власть, сделать существующие порядки более справедливыми, честными и гуманными. Участь этих смельчаков была незавидной. Поэтому, когда оппозиция возникла уже вне Гоминьдана, в ее среде родилась мысль о том, что путь Тайваня к демократии пролегает через его независимость. Так идеи демократии и независимости оказались слиты воедино.

Гоминьдановские власти обрушили на «независимцев» такие же жестокие преследования, как и на коммунистов, рассматривая первых как пособников вторых на том основании, что идеи независимости подрывают волю народа к борьбе за победное возвращение на материк.

Ситуация коренным образом изменилась в конце 80-х – 90-х гг.: в этот период Тайвань в ходе сложного политического процесса быстро превратился в многопартийное демократическое общество, и сторонники независимости получили возможность действовать легально и создавать свои политические партии. Одновременно смена поколений заставила руководителей Гоминьдана все шире вводить во власть уроженцев острова – началась «тайванизация» власти. Наконец, к этому времени стало ясно, что мечта о победном

возвращении на материк – не более чем иллюзия, и почтение тайваньских государственных деятелей, даже сторонников Гоминьдана, к принципу «одного Китая» стало быстро таять. В 90-х годах президент Ли Дэньхуэй, член Гоминьдана, но тайванец по происхождению, стал истолковывать «один Китай» как историческое и культурное понятие, а также как единое государство в прошлом и в отдаленной перспективе, разделенное, однако же, на современном этапе на две равно суверенные части.

Тем временем Пекин разработал концепцию мирного воссоединения страны, получившую название «одно государство, два строя» и предусматривающую для Тайваня высочайший уровень автономии под суверенитетом КНР, а также сохранение на острове существующей там общественной системы. Тайбэй категорически отверг эту концепцию: оказаться под властью коммунистов означало бы отдать себя в их руки и тем самым поставить остров с его высоким уровнем благосостояния и системой развитой демократии в ситуацию постоянного риска. Одновременно Тайвань, признав себя частью КНР, лишил бы себя возможности искать защиты у США.

Столкнувшись с отказом Тайбэя признать над собой суверенитет КНР и объединиться по формуле «одно государство, два строя», руководители Китайской Народной Республики объявили, что сохраняют за собой право решения тайваньской проблемы с помощью силы. Лидеры КНР неоднократно утверждали, что прибегнут к силе, если тайваньская сторона будет отказываться от объединения «слишком долго».

Тем не менее сепаратистские тенденции на острове продолжали развиваться. В 2000 г. в результате всеобщих выборов на Тайване президентское кресло впервые занял представитель Демократической прогрессивной партии – основной сепаратистской силы Тайваня, последовательно выступающей за полную независимость острова. Своей победой на выборах он в значительной мере был обязан расколу, произошедшему в рядах Гоминьдана.

Будучи вынужден считаться как с позицией Пекина, так и со взглядами многочисленных сторонников оппозиции, новый президент Чэнь Шуйбянь публично отказался от провозглашения независимости, а также от целого ряда символических шагов, которые

увеличивали бы политическую дистанцию между островом и материком.

Однако, связанный этими обещаниями, президент реализовал свои устремления в иных формах. Озвучивая программные положения своей партии, он стал публично повторять, что Тайвань является «самостоятельным суверенным государством» и что сам он как президент считает своей обязанностью «защиту суверенитета, безопасности и достоинства страны» [Taiwan Journal. v. XXI. # 2. January 9, 2004]. Вопреки настойчивым требованиям Пекина, Чэнь отказался принять принцип «одного Китая», до того признаваемый на обеих сторонах тайваньского пролива, хотя и в разных интерпретациях.

Далее, Чэнь Шуйбянь начал энергично внедрять в сознание обитателей Тайваня мысль о том, что они являются отдельной, отличной от материка общностью с собственной историей и культурой и собственным путем в будущее. Процесс «тайванизации» охватил сферы образования, науки, массовой информации. На историко-культурные темы проводятся исследования, организуются выставки, конкурсы школьных сочинений, поощряется краеведение и т. п. В КНР такого рода деятельность называют «культурным сепаратизмом».

В конце 2003 г. в Законодательную палату был представлен Закон о референдуме, принятие которого позволило бы выносить на всеобщее голосование вопросы, касающиеся «государственного флага, государственного гимна, названия государства и изменения его территории». Эта инициатива вызвала резкое осуждение со стороны руководства КНР, заявившего: выдвижение таких вопросов «означало бы создание легальной основы для независимости Тайваня», а «в случае провозглашения его независимости все 1,3 миллиарда китайцев были бы вынуждены уничтожить тайваньских сепаратистов любой ценой, даже если бы это привело к огромным жертвам, серьезному ущербу для развития народного хозяйства и отказу от права провести у себя Олимпийские игры и всемирную выставку» [http://english.peopledaily.com.cn/200311/28/eng20031128_129240.shtml]. Китайское правительство предприняло необычный шаг, уведомило более ста государств о серьезности ситуации на острове и о своей позиции.

Вокруг Закона о референдуме развернулась острая борьба, и в итоге закон был принят в сильно усеченном виде, без вызывающей формулировки о флаге, гимне, названии и территории государства. По мнению китайских аналитиков, в окончательной редакции Закон уже не несет в себе «непосредственной угрозы» провозглашения независимости Тайваня, однако «оставляет место для крупных потенциальных проблем в отношениях между Пекином и Тайбэем» [China Daily. 28.12.2003]. Принятие Закона о референдуме означало в определенной мере победу Чэнь Шуйбяня, поскольку Тайвань обзавелся еще одним элементом демократии и одновременно атрибутом независимого государства. Первое официальные лица в Тайбэе подчеркивали, о втором предпочитали не говорить, и это дало серьезные основания руководителям КНР утверждать, что Чэнь использует демократию как прикрытие для сепаратистских действий [[http:// peopledaily.com.cn/200403/14/eng/20040314_13745shtml](http://peopledaily.com.cn/200403/14/eng/20040314_13745shtml)].

Президентские выборы 2004 г. вновь принесли победу Чэнь Шуйбяню. На этот раз за него проголосовал существенно больший процент избирателей, чем на предыдущих выборах (50,1 % против 39,35 % при высочайшей явке избирателей – 80,28 %) [Taiwan Journal. v. XXI. # 12. March 26, 2004], и эта прибавка в миллион с лишним голосов позволила ему взять верх теперь уже не над разобщенными конкурентами, как это было в 2000 г., а над их блоком.

Чем объяснить популярность Чэня, сумевшего добиться победы два раза подряд, при том, что результаты экономического и социального развития Тайваня в его первый президентский срок оказались достаточно скромными? Разумно объяснить его успехи можно единственным образом, а именно процессом смены поколений островитян, о политическом значении которого аналитики говорили уже давно. Молодые поколения свободны от ностальгии по материку, от тесных родственных связей с китайцами по ту сторону Тайваньского пролива и при этом пользуются значительно более высоким качеством жизни. Поэтому они не хотят признать юрисдикцию КНР над островом и оказаться в зависимости от воли Пекина, пусть даже остров, как было обещано, получит статус особого административного района и будет пользоваться широчайшей автономией. По тайваньским данным, более 50 % жителей острова считают себя «тайваньцами и не китайцами» [<http://gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/stats>].

Опросы жителей острова свидетельствуют, что статус-кво их устраивает, по крайней мере как временный, компромиссный вариант. Так, по данным телефонного опроса, проведенного в июле 2004 г. университетом Чжэнчжи, за сохранение статус-кво (на время или даже навсегда) высказалось 82,6 % респондентов [Далу гунцзо цзяньбао. 11.08.2004. С. 22–24]. За независимость как можно скорее или когда-нибудь в будущем высказалось 22,1 %; за объединение как можно скорее или когда-нибудь в будущем – 13,3 %.

Поддерживаемый, по-видимому, ростом таких настроений, Чэнь Шуйбянь после избрания на второй срок ни на йоту не отступил от своего прежнего курса в отношениях с материком, продолжая вызывать тревогу и раздражение в Пекине. Развивая высказанную еще раньше идею, он включил в свои планы введение через референдум в 2006–2008 гг. новой конституции, которая должна сделать Тайвань «нормальным и полноценным государством» [<http://taiwansecurity.org/News/2002/BB-310304.htm>].

Правда, он пообещал не включать в проект конституционной реформы вопросы национального суверенитета, государственной территории, объединения или провозглашения независимости. По его словам, разработка проекта новой конституции будет сосредоточена на вопросе о том, иметь ли Тайваню три или, как сейчас, пять ветвей власти, предпочесть президентскую или правительственную модель управления [<http://www.cbs.org.tw/2004/12/23>]. Однако на материке восприняли самоограничительные высказывания тайваньского президента с явным недоверием. Пекин обвинил его в том, что его сепаратистская политика усиливает нестабильность на Тайване, ухудшает условия развития острова, вводит в заблуждение народ и наносит большой ущерб отношениям между двумя берегами Тайваньского пролива [Сообщение Синьхуа. 14.04.2004]. Таким образом, с момента своего вступления в должность президента Чэнь Шуйбянь последовательно проводил линию «ползучего» сепаратизма, то и дело обещая не доводить ее до логического конца, однако с каждым разом все больше приближаясь к нему.

Стремясь предотвратить развитие событий в нежелательном для себя направлении, Пекин с самого начала жестко реагировал на каждый сепаратистский шаг Тайбэя, напоминая о своей готовности применить силу в критической ситуации. Размещенные в провин-

ции Фуцзянь пятьсот, если не шестьсот ракет, количество которых прибавляется каждый год, служат весомым аргументом, подкрепляющим вербальные демарши китайского руководства. Оно устроило Тайбэю жесткий прессинг, добиваясь максимальной изоляции его на международной арене. В 2002 г. Китай установил дипломатические отношения с республикой Науру, в 2003 г. – с Либерией, в результате чего их дипотношения с Тайбэем были разорваны. В том же 2003 г. КНР прервала официальные отношения с Кирибати, решившей признать Тайвань. Пекин категорически возразил против допуска Тайваня во Всемирную организацию здравоохранения, полагая, что участие Тайваня даже в качестве наблюдателя в организации, членами которой являются суверенные государства, послужит ободрением тайваньскому сепаратизму.

Воздействие жесткой линии Пекина не позволило Чэнь Шуйбяню пересечь «красную черту», но оказалось недостаточным, чтобы заставить его отказаться от рискованных маневров вблизи нее и тем самым сделать свою стратегическую линию достаточно предсказуемой. Поэтому в КНР возникли серьезные опасения, что на волне процесса, связанного со сменой поколений, сепаратистски настроенные тайваньские лидеры в какой-то момент могут потерять чувство реальности и провозгласят в той или иной форме независимость Тайваня. При этом Закон о референдуме и новая конституция будут использованы, чтобы придать этому шагу определенную легитимность, пусть даже, с точки зрения руководства КНР, только видимость легитимности.

Возможно, дополнительным поводом для нервозности в Пекине послужили сообщения прессы, будто бы на Тайване проходят испытания ракеты средней дальности класса «земля – земля», отличающиеся большой скоростью (6 М) и высотой (24 км) полета [<http://taiwansecurity.org/AFP/2003/AFP-291003.htm>]. Такие ракеты малоуязвимы для средств противовоздушной обороны, могут достичь, например, Шанхая, и потому способны служить эффективным средством сдерживания противника. Высказывались предположения, что тайваньские лидеры рассчитывают, когда этот щит будет готов, сделать решающий шаг в сторону окончательной независимости. Председатель исполнительной палаты Ю Сикунь опроверг эту информацию, заявив, что Тайвань не занимается разработ-

кой ракет, способных достичь Шанхая, более того, у Тайваня «нет возможности создавать такое оружие» [Radio Taiwan International. 29.11.2004]. Однако в теоретическом плане он высказался за поддержание «баланса страха» в Тайваньском проливе «для обеспечения национальной безопасности» [Taipei Times. 26.11.2004].

В такой ситуации и было решено в Пекине предпринять новый шаг с целью сдерживания сепаратистской деятельности. Вероятно, в первую очередь имелась в виду подготовка новой конституции, неизбежно вызывающая сомнения уже потому, что до сих пор политические лидеры Тайваня спокойно обходились поправками к действующей конституции, принятой еще на материке в 1947 г.

В мае 2004 г. группа проживающих в Англии китайцев обратилась к приехавшему туда с визитом премьеру Госсовета Вэнь Цзябао с предложением принять закон об объединении Родины. После чего на ближайшей сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (в декабре) был рассмотрен в виде проекта, а на сессии ВСНП в 2005 г. принят Закон о противодействии расколу государства. «За» проголосовали 2896 депутатов, двое воздержались. В срочном порядке Закон был издан отдельной брошюрой.

Закон фиксирует и развивает позицию КНР по тайваньской проблеме и, в частности, создает юридическую и политическую базу для силовых акций. Основные положения Закона [People's Daily Online. 14.03.005] приведены ниже (в нашем переводе, со значительными сокращениями). «Настоящий Закон составлен в соответствии с Конституцией с целью воспрепятствовать отрыву Тайваня от Родины раскольниками под лозунгом «независимости Тайваня», продвинуть вперед мирное национальное объединение. В мире существует только один Китай. Тайвань является частью Китая. Государство никогда не позволит раскольническим силам – сторонникам «независимости Тайваня» – под тем или иным именем тем или иным способом отторгнуть Тайвань от Китая. Решение тайваньской проблемы и достижение национального воссоединения является внутренним делом Китая, не допускающим вмешательства извне. Государство будет делать все, что в его силах, и с максимальной искренностью, чтобы добиться мирного объединения. После мирного объединения страны Тайвань сможет иметь

общественную систему, отличающуюся от системы на материке, и пользоваться высокой степенью автономии». Особого внимания заслуживает статья 8 Закона, которая заявляет о возможности не мирного присоединения Тайваня к матерiku.

Текст Закона тщательно продуман, сделано многое, чтобы обеспечить как можно более благоприятную реакцию на него на Тайване и в мире. В ряде стран китайскими посольствами были проведены разъяснительные беседы. Китайские специалисты пояснили: «не мирные средства» не обязательно означают боевые действия, это могут быть «экономические санкции, военное сдерживание, крупные военные учения, частичная блокада» коммуникаций Тайваня. В силу чего Закон о противодействии расколу «ни в коем случае не является ни законом о войне, ни приказом о военной мобилизации, ни объявлением войны» [Ptope's Daily Online. 27.01.2005]. Однако условия применения «не мирных и других средств» сформулированы в статье 8 Закона достаточно неопределенно и дают Пекину широкие возможности в их истолковании и, следовательно, в выборе момента удара (а равно введения экономических санкций или установления блокады).

Фактическое отторжение Тайваня от Китая при желании можно считать уже состоявшимся, поскольку де-факто Тайвань является самостоятельным, хотя и непризнанным государством. Однако, как считают некоторые наблюдатели, стоит Тайбэю отклонить какое-либо требование Пекина – и при желании уже можно утверждать, что «возможности мирного воссоединения полностью исчерпаны». Между тем последние года три условия обращения к силе выглядели более скромными и более четкими: Пекин выдвигал лишь два требования – объявление Тайванем независимости и вмешательство иностранных держав – или даже только первое из них. Показательно, что на пресс-конференции, состоявшейся после принятия Закона, заместитель заведующего канцелярией по делам Тайваня при Госсовете Ван Цзайси напомнил собравшимся слова, сказанные Цзян Цзэмином на XVI съезде КПК: тайваньская проблема не может тянуться бесконечно долго. И тут у наблюдателей возникает естественный вопрос: не появится ли теперь у Пекина соблазн разом покончить с этой вечной головной болью – проблемой Тайваня? А в свете такой перспективы не повысится ли в Тайваньском

проливе уровень напряженности вместо создания спокойной атмосферы, необходимой для развития двусторонних связей, о которых говорится в новом Законе?

На эту мысль наводят не только расплывчатые формулировки Закона, но и неустанное наращивание руководителями КНР в южных провинциях страны тех родов войск и тех новейших вооружений, которые необходимы для преодоления обороны Тайваня. Уже при Чэнь Шуйбяне Пекин провел около десятка военных учений, явно адресованных Тайваню; в крупнейшем из них, в 2003 г., было задействовано 110 тыс. солдат и офицеров и большое количество современной техники. Накачка военных мускулов сопровождается постоянными предупреждениями в адрес Тайбэя со стороны руководства КНР, включая генералитет. Превращение КНР в современную военную державу, рост ее комплексной мощи, увеличение влияния в мировых делах, естественно, повышают самооценку лидеров страны, обостряют стремление разрубить, наконец, тайваньский узел. Модернизация армии вызывает у генералов желание попробовать свои силы в действии.

Если в ближайшие годы Пекин обретет уверенность в своем военном превосходстве, то что помешает ему, ссылаясь на соответствующие положения Закона о противодействии расколу, пустить в ход силу, выбрав какой-либо из существующих сценариев – от блокады морских путей до точечных ударов по командным пунктам, подавления боевых средств противника и массивной высадки десанта? Нарастание сепаратистской тенденции в политике тайбэйских лидеров играет провоцирующую роль, побуждая Пекин сыграть на опережение с расчетом, что США, увязшие на Среднем Востоке, не рискнут ввязаться еще и в конфликт в Тайваньском проливе. Спрашивается: те фундаментальные факторы, которые до последнего дня обеспечивали Тайваню положение государства де-факто – способны ли они и дальше удерживать материковый Китай от крайних мер?

Важнейший аргумент против насильственного изменения статуса острова – военное столкновение в Тайваньском проливе непредсказуемым образом отразится на экономике острова, а значит, и на экономике приморских районов Китая и Гонконга. То же можно сказать и о блокаде коммуникаций, и об экономических

санкциях. Поскольку с годами экономические связи приморских районов с Тайванем расширяются – будь то коммерция или инвестиции – плата за применение «не мирных и других» средств против Тайваня будет возрастать.

Второй сдерживающий фактор – опасение Пекина вызвать негативную реакцию со стороны США и других ведущих держав, экономическое сотрудничество с которыми жизненно необходимо Китаю для успешной реализации его стратегии развития. Тайвань чрезвычайно важен для США, прежде всего, как опорный пункт в их будущем геостратегическом противостоянии с Китаем. Кроме того, Запад видит в Тайване живой образец, чьи методы и результаты управления экономикой служат сильным импульсом для проведения реформ на материке. Поэтому политическая и военная поддержка, оказываемая Соединенными Штатами Тайваню с целью сохранить его статус-кво, с течением времени не ослабевает – наоборот, усиливается.

В 2004 г. на Тайване было объявлено о разработанной администрацией новой, рассчитанной на 15 лет программе военного строительства, которая поднимает сотрудничество с США на новую ступень: тайваньская сторона совместно с США готовит реформирование структуры своих вооруженных сил, системы управления ими, модернизацию ПВО. Предусматривается приобретение в США шести зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» РАС-3, подводных лодок, противолодочных самолетов – всего на сумму 610,8 млрд НТД (более 18 млрд дол. США). Некоторые российские эксперты полагают, что «одним из результатов реформирования тайваньских вооруженных сил по предлагаемым американцами рецептам будет повышение возможностей взаимодействия между ВС США и Тайваня» [Кашин: 122]. Несмотря на астрономическую стоимость сделки, на споры из-за цен, задержки из-за переживаемых Тайванем экономических трудностей, дискуссии среди тайваньских политиков и военных на тему о том, насколько нужен тот или иной вид вооружений, – несмотря на все это сделка постепенно продвигается к осуществлению. На военных учениях, проводимых тайваньской армией, теперь присутствуют американские эксперты, проводятся совместные командно-штабные учения. На сегодня сотрудничество Вашингтона и Тайбэя привело к созданию ситуации,

когда, по мнению российских специалистов, «чисто военного решения проблема Тайваня не имеет» [Болятко: 20].

Безусловно, в расширении взаимодействия Вашингтона и Тайбэя явственно просматриваются интересы разросшегося американского военно-промышленного комплекса, выливающиеся в недвусмысленное давление Пентагона и Белого дома на Тайбэй. Однако эти интересы имеют своим следствием не одно лишь получение прибылей: они активно работают на закрепление Тайваня в сфере влияния США.

Следует иметь в виду, что китайская политика Вашингтона, включая тайваньское направление, является органичной частью его глобальной политики, отличающейся растущей неуступчивостью, жесткостью, напором. Закон об отношениях с Тайванем позволяет США оказать Тайваню любую военную помощь, какую они сочтут нужной. Показательно, что летом 2004 г., когда Китай проводил маневры в районе архипелага Дунша, США организовали учения по проверке боеготовности своего флота с целью «продемонстрировать, что, несмотря на войну в Ираке, они способны создать группировку превосходящих сил в любой точке земного шара, включая Тайвань» [The Washington Post. <http://inosmi.ran.ru/translation/211590.html>]. (Тайваньские летчики тем временем отрабатывали посадку истребителей «Мираж» на автомагистраль в условной ситуации, когда аэродромы заблокированы противником.)

В арсенале США и их союзников имеются и весьма чувствительные для Китая экономические репрессалии, применение которых уже имело место после событий 1989 г. на пл. Тяньаньмэнь. Китай же по мере втягивания в мировую систему экономических и политических отношений становится все более зависимым от ее лидеров. Как предупреждение Китаю можно расценивать негативную реакцию Вашингтона, а также его европейских и азиатских союзников на принятие Закона о противодействии расколу. Администрация США выразила «сожаление» по этому поводу и отметила, что данный шаг «не служит укреплению мира и стабильности в Тайваньском проливе», что он «противоречит прогрессу, достигнутому за последнее время в отношениях между разделенными этим проливом сторонами» [<http://newsru.arm/world/14war2005/pity/html>]. К Соединенным Штатам присоединились Япония, Австралия. ЕС

выразил «несогласие с любым использованием силы в отношениях между Китаем и Тайванем» [ИТАР–ТАСС. 15.03.2005].

Россия, связанная с КНР узами теснейшего стратегического партнерства, заявила, что «с пониманием относится к мотивам» принятия Закона о противодействии расколу и подчеркнула: «очень важно, что в нем закреплена главная установка правительства КНР – безусловный приоритет мирных методов объединения Родины» [РИА «Новости». 14.03.2005].

Фактически вся международная общественность так или иначе выразила заинтересованность в сохранении мира в Тайваньском проливе, в мирном решении тайваньской проблемы.

Возникновению вооруженного конфликта в Тайваньском проливе препятствует еще и третий фактор, чрезвычайно весомый, хотя о нем почему-то нередко забывают аналитики. Это психологический фактор, в котором присутствуют элементы морали и национализма. Как-то с трудом верится, что в настоящее время китайцы станут стрелять в китайцев – «тайваньских соотечественников» – только за то, что у тех другие политические взгляды. Показателен в связи с этим тезис, входящий в известные «восемь пунктов Цзян Цзэминя», а именно: «китайцы не должны бить китайцев».

Как итог действия всех названных факторов – Пекин не хочет воевать с Тайванем. Закон о противодействии расколу носит страховочный характер. Его задача – поставить заслон развитию сепаратистской тенденции, удержать Тайбэй от создания такой ситуации, когда перед Пекином встанет альтернатива: или мириться с окончательным отделением Тайваня, или применять силу. Скорее всего, если и пока Тайбэй не предпримет «крупных шагов» в сторону независимости, Пекин не станет прибегать к насилию. Текст Закона точно отражает именно такую позицию китайского правительства, у Пекина нет резона пускать в ход тезис об «исчерпанности мирных средств»¹. Закон о противодействии расколу будет играть свою роль как постоянный фактор усилившегося давления на Тайбэй в попытках руководителей КНР не только поставить предел нарастанию сепаратизма, но и снизить его активность. Однако на-

¹ В американской прессе было высказано мнение, что будто бы «этот закон – не что иное как бряцание саблей, которое преследует цель устрашения Тайваня и противодействия американской политике в Тайваньском вопросе». [New York Post. 15.03.2005].

несение упреждающего удара по Тайваню не является, на наш взгляд, целью принятия Закона. Необходимо подчеркнуть, что содержание Закона не сводится к перечислению базовых положений и рассмотрению силовых аспектов позиции Пекина по тайваньской проблеме. В статье 6 Закона – и это очень важно – намечены направления, по которым правительство КНР готово развивать связи с тайваньской стороной.

Сразу после принятия Закона премьер Госсовета Вэнь Цзябао конкретизировал и дополнил эти установки. Он предложил организовать на регулярной основе прямые чартерные рейсы между материком и островом, принять меры для продвижения тайваньской сельскохозяйственной продукции на рынки южного Китая, наладить сотрудничество в сфере трудовых услуг, а также решить проблему рыбаков с материка, работающих на тайваньской стороне. Премьер пообещал «разработать льготную политику и целый комплекс мер в интересах тайваньских соотечественников» [<http://chinaembassy/ru/rus/xwdt/E187586/html>].

Консультации и переговоры в русле процесса объединения едва ли устроят Тайвань, даже при условии равноправия их участников. Однако некоторые темы, такие как прекращение состояния вражды или планирование развития связей через пролив, отделенные от контекста объединения, могут стать предметом дискуссий, полем стабильных контактов.

Значительно более многообещающими выглядят новые предложения китайских руководителей в области экономического сотрудничества, которое успешно осуществляется уже сегодня. Материковый Китай стал самым крупным партнером Тайваня, обогнав Японию и США. По заявлению заместителя главы канцелярии Госсовета по делам Тайваня Ван Цзайси [РИАН 15.03.2005], в 2004 г. двусторонняя торговля достигла уровня в 78,3 млрд дол. США. Однако отсутствие прямых торговых, транспортных и почтовых связей через пролив ведет к большим потерям для обеих сторон. До сих пор Пекин соглашался на установление прямых связей только при условии, что Тайбэй признает принцип «одного Китая». Текст нового закона позволяет думать, что Пекин, возможно, снимет данное условие. Если это так, то здесь возможен впечатляющий рывок, который принесет серьезные экономические выгоды той и другой стороне.

Правда, некоторые специалисты на Тайване опасаются, что односторонняя экономическая ориентация на материк может, в конце концов, поставить остров в зависимое положение, которое Пекин использует, чтобы принудить его к объединению, не прибегая к силе. Однако против этой гипотезы имеются серьезные аргументы. Нажим на бизнес неизбежно ведет к свертыванию экономической активности, дезорганизации экономической жизни, причем эти процессы затрагивают не только их непосредственных участников, но и предпринимателей из третьих стран. А это – как раз то, чего руководители КНР всячески стремятся избежать. Нетрудно заметить, что политика правительства КНР неизменно направлена на создание благоприятных условий для тайваньского бизнеса. Пекин чрезвычайно дорожит экономической деятельностью тайваньских предпринимателей на материке и не позволяет себе, насколько нам известно, использовать ее в качестве карты в политической игре против Тайбэя. Если же Пекин вынашивает надежду со временем добиться объединения с помощью экономических рычагов, то тем самым подкрепляется его согласие мириться со статус-кво Тайваня и соответственно уменьшается тяга к применению силы.

Таким образом, Закон может стать новой базой для развития отношений через пролив в их различных аспектах. Можно ожидать, что Тайбэй будет проводить более сдержанную политику в вопросах, касающихся независимости, и, возможно, займет более гибкую позицию в отношении принципа «одного Китая». Однако сепаратизм на Тайване как идеология, как образ мышления едва ли пойдет на убыль.

Литература

Боляtko, А. В. 2003. Военно-политические аспекты ситуации в районе Тайваньского пролива. *Модернизация Тайваня и перспективы отношений с КНР*. Российская Академия Наук. Институт мировой экономики и международных отношений. М.: ИМЭМО РАН.

Кашин, В. Б. 2003. О некоторых аспектах американо-тайваньского военно-технического сотрудничества на современном этапе. *Китай в современной региональной и мировой политике. История и современность*. Российская Академия наук. Институт Дальнего Востока. М.